

Допросы по делу «Хроники текущих событий», арест друзей, жизнь с прослушкой и русско-русский разговорник

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2335>

6 марта 2017

Собеседник

Алексеева Людмила Михайловна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 6 марта 2017 и опубликована 10 апреля 2020.

Введение

После ареста близкой подруги Ирины Белгородской-Делоне, Людмилу Алексееву начали вызывать на допросы по делу о правозащитном бюллетене «Хроника текущих событий», который она регулярно размножала на своей печатной машинке. В ходе одного из таких допросов была проведена очная ставка с арестованной, на которой Алексеева проявила твердость, полностью отрицая обвинения. Это ей помогло избежать ареста, так как других показаний, кроме показаний Белгородской-Делоне у спецслужб не было. В связи с этими допросами она вспоминает своего куратора в КГБ — некоего Владимира Павловича, с которым у Алексеевой были хорошие — насколько это возможно в такой ситуации — отношения.

Зимой 1973 года заболел и едва не умер муж Людмилы Алексеевой — Николай Вильямс. Людмила Михайловна подробно описывает, какие колоссальные усилия пришлось предпринять, чтобы спасти его от смерти.

Поскольку квартира Алексеевой стала прослушиваться КГБ, в ее обиходе появился «русско-русский разговорник» — планшет, на котором можно было писать то, что не должно было быть услышанным.

Наконец, в это время случилось важное событие: изменилась американская внешняя политика, которая стала учитывать соблюдение прав человека в других странах. Это повлияло, в частности, на то, что западные дипломаты стали более открыты в отношениях к советским диссидентам.

Допросы после ареста Ирины Белогородской

Людмила Михайловна Алексеева: У меня, к сожалению, очень путается по времени, что было в 73-м и что перешло на 74-й. Но все-таки я, по-моему, уже рассказывала, а если не рассказывала, то об этом есть в книжке, так что не стоит особенно подробно. Об аресте Иры Белогородской. Ее 3 января 73-го года арестовали. Ну и поскольку и Якир, и Красин давали показания по «Хронике» — они на примерно двести человек дали показания, ну и она давала показания после того, как ее арестовали. Она только вышла замуж за Вадика Делоне, влюблена была как кошка и очень не хотела этого ареста, и они это понимали, что она слабое звено, — именно поэтому. Они хорошие психологи, они именно таких арестовывают, знаете, кого расколоть можно.

Вадим Делоне и Ирина Белогородская. 1971. Источник: vadim-delaunay.org

Вот, ну и эти двести человек, на которых они дали [показания], — это были люди, которые не имели непосредственного отношения к кругу людей, имевших отношение к изданию «Хроники». Потому что к Якиру приезжали люди из провинции, те, кто, наслушавшись по зарубежному радио, какой это замечательный человек, — ему очень делали паблисити, как сейчас говорят, западные корреспонденты. Ну, такая колоритная фигура, знаете, мальчик с четырнадцати лет в тюрьме сидел, сын известного командарма и так далее — шикарно. И очень сам яркий человек, конечно. Вот, и они приезжали к нему, и они ему передавали для «Хроники» какие-то сведения. Что-то доходило до «Хроники», что-то не доходило, но именно о них вот и давал показания Петр Якир и Красин, о тех, кого они знали.

К счастью, те, кто издавали «Хронику», понимали, что Якир и Красин — ненадежные люди, и, ну, они не имели непосредственного отношения к «Хронике», хотя от них поступала какая-то информация. Вот, но Ира была совсем другое дело. Она, конечно, знала... В частности, знала, конечно, про меня. И, когда ее арестовали, меня довольно быстро стали вызывать, потому что она дала показания, что я печатала первую закладку и что я вместе с ней и Ирой Якир редактировала четырнадцатый выпуск.

Ну, тогда, в отличие от нынешнего времени... Ну, законы тогда так же не соблюдали, как сейчас, но тогда были очень строгие внутренние инструкции у кагэбистов, как они могут действовать, которые ввели при Хрущеве и которые остались при Брежневе. Ну, потому что те поставили какие-то препоны их действиям, зная, как при Сталине было опасно для них самих то, что можно любого обвинить, ну, во вражеской деятельности. И, в частности, у них была такая... Мы, конечно, не читали эти инструкции, но по их действиям постоянно повторявшимся, можно было эти инструкции вычертить. В частности, если было только одно показание, одного человека, на нем нельзя было построить дело. Надо было, чтобы два человека дали показания. И поэтому, когда они меня вызвали и сказали, что Ира Якир дает показания, что вы печатаете «Хронику» и что вы редактировали вместе с ней и с Ирой Якир четырнадцатый выпуск, было очень важно, чтоб я это не подтвердила, потому что это будет второе показание. И я это понимала и говорила: «Ничего подобного. Не было этого». И они меня спрашивать начали с того, что вот знаете Ирину Белогородскую? «Да, конечно». — «Какие у вас отношения?» — «Она моя близкая подруга». Ну, тут...

” У нас такое было принято — обо всех арестованных обязательно говорить как можно лучше и теплее, потому что по окончании дела им показывали все материалы, и такие отзывы поддерживали.

Я говорю: «Она моя близкая подруга». — «Вы с ней ссорились?» — «Нет, никогда не ссорились». — «Ну вот она дает такие показания. Я говорю... Да... «Она честная?» — «Очень честная». — «Ну вот она дает такие показания». «Не может быть», — я говорю. «Дает. Вот, значит, показания». Я говорю: «Это все неправда, не может этого быть». Тогда на следующий допрос... Они меня каждый день на допросы вызывали. На следующий день они приносят — от руки написанная ею записка: «Людочка, так как они мне дали слово, что никто арестован не будет, я дала показания так, что ты делала то-то и то-то». Ну, я вижу, что почерк Ирины. Они говорят: «Ну вот видите». Я говорю: «Ну, это подделано, это не может быть. Почерк похож, но это можно подделать». — «Ну что вам — давать очную ставку?» Я говорю: «Конечно!» Ну и я поняла, что будет на следующий раз очная ставка.

Я побежала к Толе [Марченко] и Ларе [Богораз]. Они говорят... Толя очень возмутился — как это она дает показания, такая-сякая. Лара молчала. Ну, прихожу. Заводят Ирину. Я: «Ирка!» Бросилась ей навстречу, обняла ее. Они: «Не смей обниматься! Разойдитесь!» Нас развели, по обе стороны там стола посадили. «Вы знаете эту женщину?» — «Да, знаю. Ирина Белгородская». — «В каких вы с ней отношениях?» — «Она моя близкая подруга». Ирка очень обрадовалась. Она не знала, как я отношусь к ней после этих... Ее спрашивают: «А вы как относитесь?» — «Она моя близкая подруга». — «Ну, Ирина Михайловна, скажите, какие вы дали показания». Она повторяет. Следовательно говорит: «Вы подтверждаете?» Я говорю: «Нет, конечно, потому что ничего этого не было». — «Подождите, ну вы же сами говорите, что она ваша хорошая подруга и она порядочный человек. Почему же она дает такие показания, если этого не было?» Я говорю: «Это для меня загадка, я не знаю».

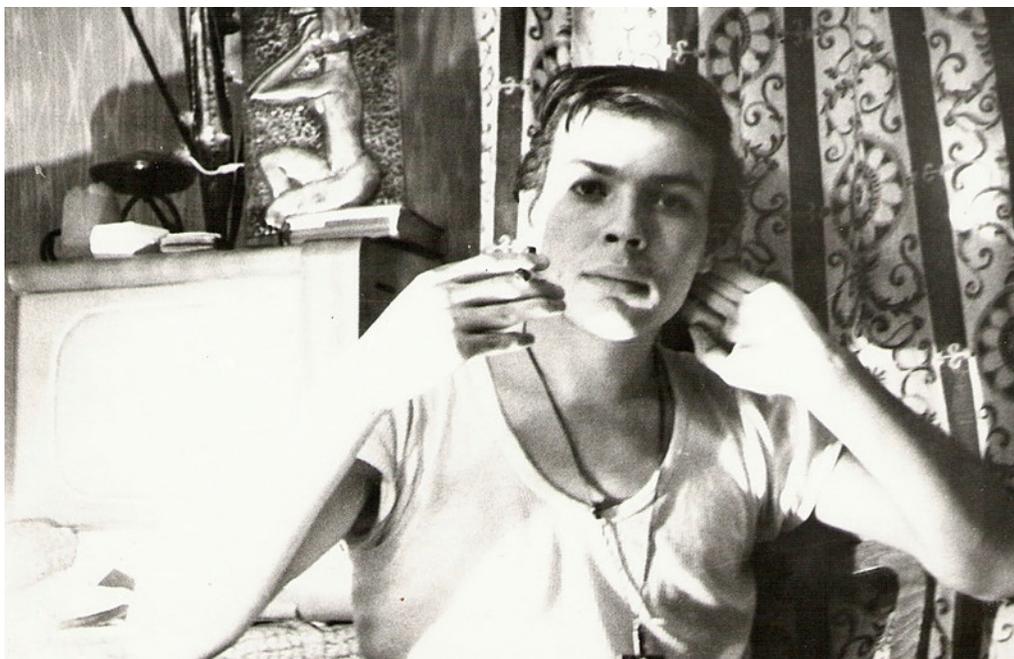
” Ну, тут самое главное было — твердо держаться.

Ну, они говорят...

Екатерина Андреевна Голицына: А она-то как реагировала на ваши слова эти?

Л. А.: Она говорит: «Людочка, они говорят, что они не будут никого арестовывать. Они только хотят прекратить „Хронику“, из-за этого...» А я и тогда уже не обращаю на них ни малейшего внимания. Конечно, они понимали, что она говорит правду, а не я. Но самое важное было мне выдержать эту роль, понимаете? Это не важно там убедительно — не убедительно. Важно было не подтвердить. И я ей говорю: «Как ты можешь им верить? Я же тебя знаю. Если, не дай бог, по твоим словам — кого-нибудь ты подведешь, осудят, ты же жить не сможешь после этого! Я ж тебя знаю! Как ты можешь им верить?» Они слушают все это, но ничего сделать не могут — я не подтверждаю. Такой же позиции придерживалась и Ира Якир. И поэтому кончилось тем, что ни меня, ни Иру [Якир] не арестовали, а Ирку [Белгородскую] в конце концов выпустили.

Но тут вот чего я хотела рассказать. Во время этих... Когда они меня вызывали... Ну, в общем, я насчитала двенадцать допросов, потом я бросила считать. Дальше шло, шло, шло — черт его знает, сколько их было. Каждый день вызывали. И в какой-то день еще до ареста Ирки, кроме следователя, на допросе стал присутствовать такой очень элегантно одетый человек, который отрекомендовался как Владимир Павлович. Ну, мы все знали, что у нас, у таких активных диссидентов, есть кураторы. Я поняла, что это мой куратор. Но я его тогда впервые увидела. И — вот это еще до ареста Иры — он мне стал... Сначала слушал допрос, потом следователь ушел, он остался и со мной говорил. Он мне не сказал там, я куратор, ничего. Ну, Владимир Павлович, он говорит. Он понимал, что я понимаю, и, как говорится, не спорил. Он говорит: «Я хочу с вами поговорить о судьбе Ирочки». Ну как я могу отказаться — а вдруг я как-то повлияю и вообще какую-то информацию хотя бы получу. «Ей лучше уехать». Я говорю: «А ее отпустят?» — «Ну, если она с мужем быстро подаст документы, быстро, в Израиль... Единственный способ — вот в Израиль». Ну, Ирка — еврейка, так что там ничего страшного, можно было. «...То... Ну, я не могу стопроцентно гарантировать...» Ну, так, как они всегда говорят. «...Но мы рассмотрим это заявление». Я сказала Ирке об этом. Она сказала об этом Вадиду. Но Вадик говорит: «Я русский поэт. Я не могу существовать вне русского языка. Нет, мы никуда не поедем». Вот ее и арестовали.

Вадим Делоне. Москва, 1973. Источник: vadim-delaunay.org

Ну, еще у меня были разговоры с этим... Вторая линия, по которой я интересовалась говорить. Как раз, значит, Лара вернулась из Чуны, и у Толи кончился надзор, он вернулся. Но Толя не имел права жить в Москве. Он был не москвич, и он поднадзорный. Поэтому, когда он приехал в Москву... А куда он денется? В Москву, естественно, к нам приехал. Он жил у меня. Причем жил... Мы никому не говорили, что он приехал в Москву и что он живет. Он ходил и все такое, по всему дому, а когда кто-нибудь звонил в дверь, он быстренько уходил в маленькую комнату в Мишкину и там тихо сидел, а я принимала людей в большой комнате. Они уходили, а он опять выходил.

Так вот, этот мой куратор Владимир Павлович говорит мне: «Ну, мы знаем, что Марченко живет у вас». Во-первых, они за ним следили, а во-вторых, может, уже тогда прослушивался дом — я не знаю. Вот. Но я говорю: «Ну дайте возможность человеку где-нибудь под Москвой прописаться, и они уедут. Он потому здесь живет, что кудадеваться-то? Мы должны прописываться». Он тогда сказал: «Ну, я вам организую встречу с... Это не я решаю, это, ну, более высокие чины решают». И какой-то раз меня вызвали... А, нет. Это было вот так. Да. Это уже было самое начало 74-го, январь 74-го. Я прихожу на работу. Ну, я в основном работала дома, но в этот день я была на работе, в ИНИОНе. Мне говорят: «Вас вызывают в первый отдел». Ну, иду. Там начальник отдела говорит: «С вами тут один человек поговорить хочет». Выходит какой-то молодой человек, кагэбэшник, показывает мне свою книжечку красную. Молодой парень. И говорит: «Вы должны поехать со мной». Мы выходим из отдела кадров. Я молча иду, потому что, ну, кому это надо, что меня кагэбэшник вызывает. Разные ж там люди есть. Не все ж сочувствуют, да? Он меня сажает в черную «волгу». Ну, тут я уже на него накинулась: «Это что за безобразие? Если вы хотите со мною повидаться, вы должны повестку прислать, как по закону полагается. А что это такое — выследили, когда я на работу прихожу, с работы забираете?» — «Да нет, Людмила Михайловна, просто сегодня вы оказались на работе, вот мы отсюда». Ну, в общем, я говорю: «Вы понимаете, что это вы меня ставите в неловкое положение? Я совсем не хочу, чтоб на работе знали, что меня на допросы таскают». — «Ну я же не сказал, что на допрос. А может, вы наш сотрудник». Я говорю: «Спасибо! Еще лучше!» Ну, короче говоря, довезли меня до Лубянки, там вытащил он меня. Выходим из машины. Вот это, там бесконечно по лестнице, какие-то коридоры. Ходят так очень запутанно. Потом он в какое-то помещение входит. Там явно человек высшего чина. Ну, он, значит, вытягивается. Вот, Алексеева доставлена. Ну, тот говорит: «Да не я хочу с вами говорить. Мой начальник». Значит, он меня куда-то... То есть такое начальство, куда этот и соваться не может.

Ну, я не знаю, кто это, но какой-то большой чин, судя по тому, что огромный кабинет, стол красного дерева, сам весь элегантный очень, в штатском.

Значит, вот это он мне говорит: «Вы не находите, что мы к вам хорошо относимся? Вот на вас шуршала „Хроника“, а мы...» То есть по прослушке, конечно, узнали. Ну, и я с ним тоже про Марченко. «Ну вот мы знаем, что Марченко у вас». Я говорю: «Так дайте прописаться людям...» — «Вот что: пускай прописывается где-нибудь в Калужской области. Пускай найдет место, и где найдет, там мы его пропишем». Я говорю: «Хорошо. Спасибо». Ну вот такие вещи — вот разговаривать там то про Иру, то про Толю — ну надо же говорить, а как же?

Толя поехал искать и нашел место, очень хорошее. Ой, я забыла, как называется. Конаково, что ли. Как-то так вот. Его там согласились прописать. Он мне говорит об этом. Я, значит, говорю этому самому при встрече куратору. Вот Конаково. «Хорошо, я доложу». Потом мне звонит и говорит: «Людмила Михайловна, в Конаково нельзя». Я говорю: «То есть как так — нельзя?! Вы же сказали — в Калужской области, где найдет...» — «Нет, в Конаково нельзя». Я к Ларке. «Говорят, в Конаково

нельзя». Она говорит: «Ну и что делать?» А мне этот начальник большой дал свой телефон, чтоб я позвонила. У меня тогда телефон был отключен. Поэтому мы с какого-то автомата вместе с Ларкой... Я звоню, говорю: «Как же так?! Вы сказали — Калужская область, вот он...» — «Нет, вы понимаете, в Конаково нельзя». Я говорю: «Знаете, я очень не уважаю людей, которые не выполняют своих слов. Извините». И повесила трубку. Ну, мы поняли, что в Конаково нельзя. Они искали дальше, нашли в Тарусе и потом в Тарусе... Получается, и опять назад убежала.

Вот, ну, мы чего не знали... Он, конечно, не виноват был. Зря я на него накинулась, потому что мы этого не знали, но это самое (по-моему, это Конаково, а может, я ошибаюсь), это было место, куда Брежнев и все его холюи ездили охотиться, и, конечно, как туда Марченко, вы что? Они же искренне считали, что он может какой-то вред нанести. Хотя нужен ему этот, сами понимаете...

Вот, ну вот так у меня вот с высоким начальством любовь не вышла, а с этим Владимиром Павловичем у меня оставались приличные отношения. Он ко мне хорошо относился. «Людмила Михайловна, я вас очень уважаю, вы мне очень нравитесь». Я говорю: «С чего бы это?» — «Ну, знаете, среди вас ведь разные люди есть. Есть, конечно, такие антисоветчики, а есть такие, как вы. Вы порядочный человек, но просто у вас другие представления о жизни». А я говорю: «А с чего это вы взяли, что я порядочный человек?» — «А вот, например, вам звонят по телефону и предлагают деньги для, ну, этих, которые, ну, выходили на демонстрацию, там Лариса...» А действительно — мне звонил один дурак из Фламандии, ну, из Голландии фламандец. Хорошо по-русски говорил. Фернадот его звали. Он мне несколько раз звонил. Но он чудной. Он мне звонит по прослушиваемому телефону и говорит: «Мы хотим им деньги передать». Ну, если б они пришли и отдали мне, я бы взяла, конечно, для них, нужны были им... А так я говорю: «Нет, что вы! Нет, нет, спасибо. Мы сами справимся как-нибудь». Отказывалась. А на них производит впечатление, что я от денег отказываюсь. А я просто не дура, вот и все. Он мне звонил еще, когда мы там на Приорова жили. Ну, они в 68-м году сели. Он сразу. Он мне звонил там, звонил и звонил, потом долгое время не звонит. Потом опять звонит. Я говорю: «О! А я думала, куда вы делись, давно не звонили». А он говорит: «А вы знаете, я в отпуск ездил. Знаете, вот в октябре...» Ну, это было в 68-м году. Значит, они в августе, а он то звонил, а октябрь весь не звонил.

” Он говорит: «В октябре, знаете, лучше всего ездить в Марокко». Я говорю: «Спасибо за очень полезный совет. Следующий октябрь я тоже проведу в Марокко».

Ну, вот так я... Ну, кончилось это ничем, конечно, наши переговоры, а потом, когда я уже эмигрировала и еще не доехала до Америки, была в Европе, я с этим Фернадотом встретилась. Ну, я ему сказала, говорю: «Вы вообще соображали — по телефону прослушиваемому деньги предлагать? Конечно, не взяла»

Так вот, у меня с Владимиром Павловичем сложились хорошие отношения, и я считаю, что это сыграло в моей судьбе очень важную роль. Именно кураторы определяют там, надо арестовывать человека, когда надо арестовывать и так далее. Он, по-видимому, решил, что лучше убедить начальство, что меня надо отправить в эмиграцию, а не арестовывать. Тем более что, ну, страху я не показывала, и поэтому надеяться, что меня расколот, было трудно, а ну чего — пожилую женщину посадить уже как-то... Ну, можно бы было обосновать, но это я потом уже, поближе там расскажу — о развитии моих отношений с этим Владимиром Павловичем. У меня до самого отъезда были с ним отношения — куратор, куда от него денешься. Ну вот...

Е. Г.: У вас страх был на самом деле, Людмила Михайловна? Или вы уже привыкли?

Л. А.: Вы знаете, кто-то очень хорошо сказал из наших — я уже не помню, кто. Я подумала: наверное, у меня было такое же отношение. Вот Бродский когда-то сказал, что смерть — это то, что происходит с другими. Потому что, когда происходит с нами, мы уже не говорим об этом, да? По-видимому, было такое же отношение. То есть, с одной стороны, я понимала, что кончится арестом. А с другой стороны, как-то не додумывала, потому что страха не было. Вот был страх вначале, когда я первый раз письмо подписывать решила. А потом — уже нет. И не боялась. И вообще в какой-то момент я перестала бояться. Почему — я не знаю. Не то привыкла, не то все-таки отстранялась от этого. Мне трудно сказать. Ну я ж в себе не копалась — а почему это?

” Ну я правда их не боялась — ни на допросах, ни на обыске. Ну не боялась и все. Перестала бояться.

Е. Г.: Николай Николаевич больше переживал, да, за вас?

Предостережение

Л. А.: Вот, теперь, когда меня привезли с работы — это был уже 74-й год, — он провел меня куда-то, от одного начальника к другому, от другого к третьему и так далее. И мне зачитали очень торжественно так называемое предостережение. Это был указ Верховного Совета, неопубликованный, по которому можно было выносить это предостережение. Его смысл сводился к тому, что у нас уже достаточно материала, ну, грубо говоря, у нас достаточно материала, чтоб вас посадить по семидесятой статье, но мы вас предупреждаем об этом, что уже ничего нам больше не надо, уже все есть, но если вы прекратите свою антиобщественную деятельность, то и все в порядке. О чем мы вас и предупреждаем. А нет — так посадим. Ну и распишитесь. Я говорю: «Конечно нет». Я взяла, очень внимательно прочла этот текст, чтобы сообщить в «Хронику», что это за указ, что там написано. Ну и отказалась подписывать. Но, придя домой, я рассказала честно Коле, поскольку у нас был договор, что мы друг от друга такие вещи не скрываем. Ну, он должен был знать. И вот, начиная с этого времени, с осени 74-го года, вот началось это «лагерь не место для женщины». Это он долбил прямо по сто раз в день. «Мы должны уехать, лагерь не место для женщины».

Болезнь Николая Вильямса

И теперь... Я еще до этого... Но это тоже было в 74-м году. Но, если предупреждение было осенью... Или это было в 73-м? Потому что это зимой было. Наверно, это было в 73-м зимой. Коля... Ну, он... Сначала началось с того, что он жаловался... Вот он не хочет есть, у него вот боли вот здесь, он есть не хочет. Утром, когда идет на работу: «Не хочу есть». Уходит не поевши. А там начинает хотеться есть, он покупает... Я уже говорила, пирожки... На машинном масле, по-моему, их жарили. Ну, на улице такие жареные пирожки. Он покупает пару пирожков, съедает — они у него здесь таким, знаете, грузом. И вечером приходит: «Я есть не хочу». И жалуется. Ну, в конце концов я настояла, чтоб он на обследование лег. Через знакомых устроила — какая-то больница, какая-то ведомственная. Не то железнодорожная, не то еще... Не помню, какая. Через знакомых устроила. Ну... Нет, это в 74-м было. Да. Ну, он лежал там. Они там делали всякие анализы. Ну, говорит, что вот завтра пойду к врачу, скажут результаты. Я пришла туда узнать, какие результаты. Он у врача как раз. Я сижу там, жду, когда он выйдет. Выходит, говорит: «Врач сказал: „Язва желудка“». И сказал, надо бросить курить». Достал из кармана пачку папирос, отдал мне и с тех пор ни разу не закурил. Говорит, очень легко, даже не хотелось. Как-то так вот у него легко получилось.

Ну, тогда язва желудка — операция. Операция — это человека инвалидом делают. Подпиливают два ребра, чтобы пролезть в желудок, отрезают часть желудка. Ну, конечно, человек уже... Ну а мне привозили из Франции, нам привозили, в том числе мне тоже, какие-то угольные, какие-то уколы специальные придумали во Франции уже, что если месяц делать эти уколы, то язва проходит, не надо делать операции. Я решила — вот я буду просить, хоть мой... Это они, очень многие из заключения выходили с язвой желудка. Вот для них. Ну, я решила, что я попрошу, что мы заплатим, но чтобы мне для мужа, хотя он и не из заключения...

Вот он пришел домой из этого своего обследования. Почему я помню, что 74-й год, — появился... Первый раз мне дали, когда он был там на обследовании, первый том «Архипелага ГУЛАГ» прочесть. Я его прочла, конечно, обалдела, и я его боюсь, ну как... Во-первых, надолго не могу, мне ненадолго дали, а во-вторых, это ж чужое, как можно в больнице? Опасно. Стали передавать по радио «Свобода» кусками. И я Кольку говорю: «Вот по радио „Свобода“ будут передавать». Достала ему такой маленький переносной приемничек, чтобы он послушал. И вот как-то раз я прихожу в больницу к нему. Я думала, он потихонечку там, под одеялом где-нибудь.

” Прихожу в больницу. Сидят в палате. Приемник включен, они сидят кружком и слушают. Ужас! Но обошлось. Никто не донес.

Теперь вышел он оттуда и говорит: «Чего-то вот в груди там болит». Пошел к врачу. Ну, в поликлинику. Говорят, невралгия. Простыл, видно, там. Дальше хуже, хуже. Уже свалился и лежит, и теряет сознание, бредит и все такое. Я опять вызываю. «Ну, это, наверное, простыл все-таки. Надо уколы пенициллина. Ну какие уколы пенициллина, куда его таскать буду, когда человек лежачий и бредит. Ну, днем приходят, каждые четыре часа надо делать. Но ночью тоже надо делать через каждые четыре... А я должна сказать, я не могу колоть. Я пугаюсь, вот других колоть мне жалко. Ларка умеет. Она уже к этому времени вернулась, это 74-й год был. Ну, значит, она приехала ко мне ночевать, чтобы ночью делать ему уколы. Но Ларка так спит, что она, если ставить будильник, она не слышит будильник. Поэтому мы так делали. Я включала будильник, я вставала, ее дергала. Она вставала, делала ему укол и опять засыпала. Ну вот так она два раза за ночь делала, потом уезжала.

Она делает уколы, мы все делаем, а ему все хуже и хуже. А у нас среди наших активистов были такая чета Терновских. Леонард Терновский — он врач-рентгенолог. Ну и его жена Людя Терновская, она просто врач-аллопат. Они звонят мне. Я говорю: «Вот сколько...» Чего-то такое. «Вот ему хуже и хуже, и уколы не помогают». Воскресенье. Они говорят: «Мы сейчас приедем». Приезжают. Посмотрели его, а он бредит. Уже всё! Не выходит из бреда. Этот говорит, Терновский... А тогда на рентген... Он в первом институте, мединституте, у него рентген был. И это надо за месяц записываться. Он говорит: «Так, ну, я рентген, — говорит, — дома сделать не могу. Надо его привезти. Если привезете, я сделаю без очереди ему рентген». У него там очередь сидит во весь коридор.

Ну вот мы договорились. На следующий день я его должна повезти. Мы уже на юго-западе жили. Это 74-й год. Значит, я вышла на Проспект Вернадского. Идет мимо машина — пустая. Легковая. Я останавливаю. Шикарная машина. Там мягкие подушки, там шторы какие-то... Начальство какое-то. Но один шофер, а этого нету. Я говорю: «Хотите заработать?» Причем назвала какую-то очень большую цифру. Ну, чуть не месячный свой заработок. Ну, уже Колька хорошо зарабатывал, а тут такое дело — человек погибает. Вот, говорю: «Мне надо... Вот вы сейчас должны заехать до моего дома. Я выведу мужа, отвезем его на Пироговскую. Там подождете, пока он сделает это, и привезете обратно». И я... Он говорит: «Хорошо». Ну, видно, он уже увез своего начальника и уже ехал по своим делам.

Короче говоря, я его одела кое-как, на себе вытащила вниз, посадила в машину, привезла туда. Сделали ему рентген. Он говорит: «Абсцесс легких». У него в обоих легких нарывы эти величиной с ладонь. Он говорит: «Для жизни опасно». Оказывается, бывают организмы, на которые пенициллин не действует. Колька не знал, что пенициллин на него не действует. Они, значит, примчались в тот же день вечером, оба эти опять Терновские, и говорят: «Вообще просто в больницу его нельзя, он там помрет». Есть в Москве три больницы, в которых есть японские аппараты, которые как-то через горло, зонд вставляют и опыляют легкое антибиотиком. Не пенициллин, а как-то на «э» называется. Вот только это может помочь. Значит, они всё знают оба. Всё, у них... Вообще врачи между собой прекрасно связаны. Они все знают, кто настоящий врач, у кого что есть и так далее. Вот они говорят — в одной из этих больниц, значит, этот человек, который работает на этом аппарате, он в отпуске. В другой больнице он не очень хорошо работает. А вот есть третья больница, в Перове, где вот есть этот аппарат и человек хорошо работает. Я говорю: «Ну как же в Перове? Я же живу на юго-западе». А тогда как? Прикрепленная поликлиника, прикрепленная больница. Они начинают выяснять и выясняют, что в этой больнице в Перове заведующая кардиологическим отделением Имма Сергеевна... Фамилию не помню. Ну, их однокурсница бывшая. Они к ней. Вот, Имма Сергеевна, значит, вот так... Но она заведующая кардиологическим отделением. Имма

Сергеевна идет к директору этой больницы и говорит, что ее родной брат Николай Николаевич Вильямс... Ну, она женщина, у нее может быть другая фамилия, по мужу, да? Вот, у него такое дело, ему надо сюда. И из-за того, что это родной брат Иммы Сергеевны, его согласны положить в легочное отделение. Значит, говорят: «На следующий день везите». Опять я... Ну, в этот раз уже такси вызвала, со стоянки такси взяла, и его одела. Он совершенно уже... Мороз. Я его с этим двусторонним воспалением легких одеваю тепло, вытаскиваю на такси аж в Перово. Ну, тогда, надо сказать, в Москве пробок не было. Машин не было. Пустые улицы почти.

Приезжаем. Я его затаскиваю в приемное отделение, такси уходит. Врачи на совещании. Ну, я сижу там десять минут, пятнадцать — врачи на совещании. Я говорю: «У человека температура тридцать восемь, он бредит». Холодно в этом приемном отделении, он в пальто лежит. Я говорю: «Вызовите с совещания». — «Не можем». Я говорю: «Жалко, жалко. Тогда я сейчас иду, ищу такси и обратно увожу его. Здесь нельзя. Он здесь помрет, пока ваши врачи посоветуются». Но они знают, что это от Иммы Сергеевны. Короче говоря, вызвали врача с совещания. Его положили. Причем, значит, они как говорят? «Лечить будем, ухаживать некому». А я уже летний отпуск отгуляла. Я прихожу на работу и говорю: «Вынуждена уволиться. Потому что вот с мужем такое, надо около него сидеть». Они говорят... Ну а я ж дома работала. «Не, мы сейчас что-нибудь придумаем». В общем, короче говоря, одна из наших сотрудниц в этом же отделе, она жила у метро Университет. То есть одна остановка от меня, когда я еду в центр. А тогда в это Перово надо было ехать так. Надо было ехать оттуда до Сокольников на метро (ну, с пересадкой, естественно), а оттуда еще на трамвае до этой больницы. Так мы договорились таким образом. Я беру работу и, сидя там, делаю эту работу. Она берет то, что мне надо, я ей звоню, и она мне выносит в метро. Когда я кончаю, я опять ей звоню, я ей отдаю, она мне дает новую. Спасибо ей. Она на это согласилась.

И вот так месяц. Я сидела в больнице, а она мне носила работу. Причем мужская палата — шесть человек. Его положили к стеночке. Я ставлю стул и сажусь лицом к нему, спиной ко всем остальным. И так сижу, а что делать? Но, конечно, я и другим помогала там, все, что им надо, ну, ухаживала за всей палатой, чтобы они не сердились, что я сижу здесь. И сидела. Причем приходит ко мне врач этого отделения, молодой парень, и говорит: «Понимаете, какое дело...» Вот этот вот на «э» антибиотик у нас есть, но он очень дорогой. «А у нас на палату определенное количество средств на лекарства. Вот если этот антибиотик, его покупать, который ему нужен, то уже все лекарства для остальных в палате, уже на них нету». Поэтому я говорю... А этого — хорошо, что у них есть, потому что в аптеках его нету, этого антибиотика. Я говорю: «Хорошо, вы ему делаете этот антибиотик, а мне напишите список лекарств, которые нужны на всю палату, и я буду покупать на всю палату».

Короче говоря, когда... Ну, он месяц там лежал, в больнице. Когда мы оттуда выписывались, я посчитала, сколько это стоило. Это было гораздо больше моей месячной зарплаты — это бесплатное лечение. Ну, и то спасибо. Теперь, значит, он же с язвой вдобавок. Значит, нужна, во-первых, диета. Во-вторых, нужно силы поддерживать человеку. Значит так. Я сижу с утра, я приезжаю утром. Они там просыпаются в восемь. Вот я приезжаю к восьми. Дальше, когда они днем спят, я выхожу, рыскаю по соседним магазинам, покупаю где осетрину, где курицу, где там... Ну, где что есть. Надо сказать, что, потому что это было в Перове, то как раз в Перове... Ну, там, на каждый, по-видимому, район полагается одинаковое количество, а в Перове людей, которые будут покупать осетрину, очень мало. Поэтому в Перове было легче купить, чем у нас на юго-западе или в центре. Я там покупала. В коридоре стоял большой холодильник. Я туда это все складывала. Вечером, когда они ложились спать, я ехала домой, к себе на юго-запад, варила бульон, варила второе, ну, все это делала. Утром я все это загружала и ехала туда. Значит, я его кормила не тем, чего давали в больнице, а тем, что я делала.

” И вот ему ставят, скажем, капельницу. А он же без сознания. Он может рукой пошевелить. Это, значит, когда ставят капельницу, надо сидеть и держать его вот так, чтобы он рукой не пошевелил. Ну и так далее.

Е. Г.: То есть он долго в таком состоянии был, без сознания?

Л. А.: Три раза ему делали вот это оплывение. Причем это очень... Это этот шланг через горло. И, он когда оттуда возвращался, у него был кашель такой — он весь красный был и все продолжает... *(Имитирует тяжелое дыхание.)* Ужас!

Примерно через три недели... Ну, у него уже... Он уже не в бреду. Он уже так лежал, только очень слабый. Пришел начальник отделения, вот этот молодой мужик, сел к нему на постель и сказал: «Ну, нам обоим повезло. Я так не хотел тебя брать! Мне зачем, чтобы в моем отделении умер человек? И тебе незачем. А так, смотри — выскочил!» Причем при мне там три раза было, когда они закрывали простыней и уносили не из палаты, а из отделения. В палате, слава богу, все ходячие были, кроме Коли. И я его вытаскивала оттуда.

Через месяц мы вышли оттуда уже нормально, взяли такси, приехали домой нормально. Только за это время у меня там кошка родила котят, и их было пять штук, и обычно, когда там два месяца котят, я начинаю раздавать. А тут как раз уже их раздавать надо, а я в больницу. Мне некогда этим заниматься. И, когда я приходила домой, они там, выросшие эти котята, носились все пятеро как сумасшедшие по дому. Ну вообще сумасшедший дом был. Ну, когда я вернулась, я их все-таки распределила. Причем был очень удачный выводок. Такие хорошие котята, смешные, все разные. Одного я назвала Моше Даян, потому что у него на глазу было такое черное пятно. Я его назвала Моше Даян. А другого назвала Диссидент. Почему? Потому что он первый лез всюду, а когда получал за то, что не туда полез, то он громче всех орал. Я его назвала Диссидент. И вот... Ну, я их распределила по всяким там... Диссидент попал в какую-то еврейскую семью, которая собиралась уезжать. Ну, ладно. Теперь, когда мы уже были в Америке, я вдруг читаю в каком-то русскоязычном журнале, который русские там издают для своего удовольствия, что в Канаде приехала семья, у них кот, его зовут Диссидент. Я позвонила в этот журнал и говорю: «А вы знаете адрес?» Они мне дали адрес.

” Я написала им, что это не мой кот случаем? Оказалось — мой! Он в Канаду переехал, видите ли.

Ну вот теперь Коля вышел. Худой, теперь надо язву лечить. Я, значит, к француженке очередной, которая приехала. Говорю, вот я... Так как это для мужа, я заплачу, но мне вот нужно. «Не-не-не, мы так дадим, вы что!» В общем, короче говоря, он сделал эту серию уколов, и язва у него прошла, и так до самой смерти у него больше язвы и не было. Так что я и от того, и от того... Вылечили человека. Ну, общими усилиями. Если бы не Терновский, если бы не Лариса, ну и я, конечно, в 74-м году бы человек помер, а так он в 2006-м помер. Разница! Так что вот такая была... Перерыв такой был в моей деятельности, когда я сидела в больнице и ничего не знала больше. Ну, чего там я еще не рассказала? Я выписала себе, чего рассказывать.

Про отъезд из СССР

Е. Г.: Значит, это Николай Николаевич все-таки уговаривал вас первый уезжать?

Л. А.: Конечно.

Е. Г.: А если бы не он, Людмила Михайловна, вы бы не уехали?

Л. А.: Конечно нет.

Е. Г.: Нет?

Л. А.: Нет.

Е. Г.: И попали бы за решетку, возможно.

Л. А.: Да. Вообще человек никогда не знает, как надо действовать. Я считала, что это прямо моя погибель — уехать. Очень относилась трагически к этому. А на самом деле вся моя жизнь сложилась иначе, причем удачно, благодаря этому. Не только я за решетку не попала, но, во-первых, я очень не напрасно прожила эти тринадцать лет — это я потом расскажу. Там было чего делать, в эмиграции, потому что я уехала как представитель Московской Хельсинкской группы зарубежный. А во-вторых, ну, предположим, я здесь бы отсидела. Вышла бы. Маленькая пенсия. Пока я работала, все в порядке. А потом... Ведь... Ну сейчас это ладно уже, сейчас я доживаю. Но ведь довольно долго я работала... Ну, во-первых, я вернулась, о чем я не думала. Если б я знала, что на тринадцать лет, я бы легче относилась, чем когда навек и никогда обратно, понимаете? А во-вторых, я бы не могла быть председателем МХГ, выйдя из тюрьмы, имея крохотную пенсию, на что б я жила? Ведь там-то пенсии не платят. А у меня вообще она маленькая была. То у меня дети, то у меня аспирантура, то я выгнанная. И когда работала, всегда мало зарабатывала. Поэтому пенсия у меня крохотная. У меня сейчас двенадцать тысяч пенсия. Сами понимаете. А я-то благодаря этому приехала с американской пенсией. Поэтому я могла... Ну вот когда я уже не могла ходить, так машина с водителем, да? Вернулась — квартиру купила. Ну, тогда если б не вернулась, ту квартиру сохранила бы, жила бы, конечно, там.

Но, в общем, нет, совсем иначе сложилась жизнь благодаря тому, что меня Колька и Миша вытащили буквально за шиворот.

Е. Г.: То есть вы сопротивлялись.

Л. А.: Конечно. Он начал с 74-го, а мы уехали в 77-м. Три года я говорила: «Да-да, конечно, да-да!» И оттягивала. Не, вообще я очень удачливая.

Свадьба Ларисы Богораз и Анатолия Марченко

Да, что я еще хотела сегодня рассказать... А, вот я еще что хотела рассказать. Значит, во-первых, когда они приехали, вот Лариса и Толя, и Пашка родился, надо уже свадьбу, надо уже расписываться. Они пригласили... Ну, надо свидетелей от жениха и невесты. Я была от невесты, Коля был от жениха. Они нас вдвоем пригласили. Это была очень забавная история. Мы идем, значит, в загс расписываться. Впереди идет невеста, и я несу на руках Пашку. Ему два месяца. Сзади идут, значит, жених и его свидетель. Нет, они впереди идут, мы сзади. И я Ларке говорю: «Посмотри, как идут наши мужья. Они оба идут — руки так. Как положено арестантам, когда они ходят». Вот такая процессия. Ну, значит, они так поженились.

Прослушка

Видите, я скажу. То я уже про эту рассказывала... А! Вот я еще что хотела рассказать. В 74-м году еще два таких было события. Первое... То есть их было много, но те, которые я хотела рассказать. Первое, значит, такое. Один раз я сижу дома, работаю. Звонит мне с работы мой начальник, Яков Михайлович Бергер, и говорит: «Людмила Михайловна, приходите на работу». Я говорю: «Мне там делать нечего». — «Приходите, приходите». Я прихожу. Говорит: «Сегодня мне начальство сказал, чтобы вы весь день были на работе, никуда даже на обед не отходили». Я говорю: «Ладно». Ну, я сидела там, работала целый день. Теперь, когда я пришла домой, Коля, который преподавателем был, у него тоже, ну, или лекции, или он дома, ему сказали: «Николай Николаевич, вы не можете сегодня побыть на работе?» Короче говоря, нас всех трех продержали на работе в один и тот же день, потому что эти умельцы, конечно, ставили прослушивающие устройства у нас в доме. Это мы сообразили. Для чего это было? Потому что уж очень как-то сразу всех. Так что, начиная с 74-го года, мы прослушивались. Ну, поставили, и мы... Ну, потом, еще когда уже была Хельсинкская группа, еще добавилось, но, по-видимому, начиная с 74-го года, у нас прослушивался не только телефон, но и квартира. Причем представляете себе, какое удовольствие жить в квартире, которая круглые сутки прослушивается?

«Русско-русский разговорник» 1970-х гг. Из личной коллекции Д. Б. Спорова

Е. Г.: У вас что, какой-нибудь появился конспиративный язык? Или вы продолжали так же общаться?

Л. А.: А мы всегда... У нас были такие... Это не только у меня. Мы на всякий случай считали, что квартиры прослушиваются. У нас были такие русско-русские разговорники. Это такие штучки, которые на Западе, ну, хозяйки все покупают. Как вам сказать, такая дощечка. Она закрыта целлофановой, что ли, прозрачной пленкой, и палочкой, не чернилами, палочкой на ней пишешь — вот через эту пленку. И когда на ней пишешь, то вроде есть, а потом поднимаешь эту пленку — и она чистая. Можно дальше писать. И вот это в Америке там, в Европе, это, ну, так... Ну, такой... Это хозяйки покупают, чтобы не блокноты, а вот там записать себе там, ну, посчитать, сколько стоит будет, потом опять. Знаете, что сохранять не надо. И поэтому... Это называли «русско-русский разговорник».

И поэтому, когда кто-нибудь там из знакомых корреспондентов или туристов там спрашивали, что вам привезти с Запада, мы говорили: «Русско-русский разговорник».

Это очень дешево, это не стыдно просить, и очень полезно. Мы вот так все время... Писали так себе. Но ведь, кроме запрещенных разговоров, простите меня, живут супруги в доме. Им надо, чтоб их круглые сутки прослушивали?

Е. Г.: Но вы не находили эти приборы? Они...

Л. А.: Я даже и не искала.

Е. Г.: Надежно прятали их.

Л. А.: А я не искала. Это бесполезно было. Ну найду один, а другой не найду.

Политика президента Картера

Да, что я еще хотела... А! Очень важное. В 74-м году выборы американского президента, и в 74-м году от демократов выдвигался Джими Картер, который потрясающий человек. Он первый в мире заявил, что он во внешней политике будет руководствоваться, как относиться к какой стране, по тому, как в ней соблюдаются права человека. Это вообще наделало невероятного шума, потому что это никогда... Это сейчас расхожая истина, а тогда говорили: «Да любая страна исходит из своих интересов. При чем здесь права человека?» И вообще, сколько существует дипломатия — тысячелетия, — дипломаты интересуются внешней политикой. Как это государство относится к их государству, к другим государствам, которые их интересуют, и так далее. А что делается внутри — это дело каждого государства. Какое наше дело? Это неприлично — в это соваться. И против него выступал Рейган. Он же был его соперник. И он его так высмеивал. А, нет, он второй раз выступал. Ну, в общем, короче говоря, это было в штыки принято. Но представляете себе, в каком мы восторге были?

Джимми Картер. Источник: wikipedia.org

Вот, и здешние американские дипломаты тоже с большим интересом отнеслись к этому заявлению, особенно после того, как Картер победил и стал президентом. Во-первых, они ничего не понимали в правах человека. Они никогда этим не занимались. А во-вторых, среди них было много таких, которым мы были интересны, но им не разрешали. Мы не только граждане другой страны, но даже граждане, общение с которыми нежелательно для наших властей, с которыми они, дипломаты, имеют дело. Поэтому они, в общем, если и общались с нами, то... С нами — вообще нет. С этими, еврейскими отказниками. Потому что... Особенно американцы. Потому что, надо сказать, что американские евреи — там большое комьюнити в Нью-Йорке. И у них среди политиков много евреев. И, ну, в Нью-Йорке, например, три миллиона евреев. Девять человек, которые баллотируются по этому округу, — это огромное число избирателей. Он должен с ними считаться. И в других, во многих регионах у них, если даже небольшие комьюнити, то очень активные и все время так сующие нос в то, что делают там сенаторы, конгрессмены и так далее. Их много среди журналистов, среди телеведущих и так далее. Короче говоря, это очень большая политическая сила в Соединенных Штатах.

” И я прямо умирала от зависти, глядя, с каким интересом относятся к еврейскому движению за выезд в Израиль американцы и как им совсем не интересно про нас.

Они про нас просто не знают. Многие из них, там всякие их сенаторы и конгрессмены, искренне считали, что диссиденты — это и есть еврей-отказники. Больше никого нету. И поэтому, ну, вот мы встречались иногда с корреспондентами около судов. Они приходили к судам всегда, и мы там толпились, поэтому мы с ними встречались. Но, кроме стояния у судов... К евреям-отказникам они ходили. Они такие... У них активно отказники... Они такие приемы устраивали. У них там приезжали и сенаторы, и конгрессмены, и там всякие знаменитости, а к нам — никто.

А когда Картер... Это еще даже во время его избирательной кампании, особенно, когда в ноябре его избрали, они... Посол, правда... По-моему, Тун тогда был¹. Надо посмотреть, ошибаюсь я или нет. По-моему, Тун. Он был категорически против общения... Он просто запрещал общаться с диссидентами. С евреями — пожалуйста. Но среди таких не очень больших по чину молодых дипломатов был интерес, конечно, что мы за птицы такие. Но они на всякий случай с нами не общались. А тут они поскольку Тун — в посольство никоим образом, то они что делали, вот эти некоторые дипломаты? Они у себя на дому. Они, например, привозили кинофильм и приглашали к себе домой посмотреть. Ну, свои кинофильмы. Так что у нас уже начало какое-то, какое-то общение налаживаться.

¹ Малколм Тун был назначен послом США вскоре после избрания президентом Джимми Картера — в конце ноября 1976 г.

Возвращение Юрия Орлова в Москву

И еще в 73-м году вернулся из Армении в Москву Юрий Федорович Орлов. Он уехал туда в 56-м году после XX съезда, когда он, такой очень многообещающий, талантливый молодой физик, сотрудник Института физики Академии наук, выступил на партсобрании и сказал, что Сталина разоблачили — это, конечно, хорошо, но надо подумать о том, как сделать так, чтобы

это не повторялось, то есть надо подумать о той системе, которая создана Сталиным. Его поддержали два человека. Все очень с восторгом их тоже восприняли, члены партии Института физики, но потом, конечно, была статья в «Правде», что это сплошное безобразие, и этих троих выгнали с работы, и Юра нигде не мог устроиться, на работу его никуда не брали.

И ему пришлось ехать в Армению, потому что его взял к себе Амбарцумян. Но уже не теоретической физикой заниматься, как здесь в институте, а реактор там какой-то атомный, что ли... Ну и надо ему отдать справедливость, что в Армении как-то там было потише со всем этим, политикой всякой, и через некоторое время он там... У него была кандидатская защищена здесь, в Москве. А он через некоторое время там защитил докторскую, а потом даже был избран членом-корреспондентом армянской Академии наук.

Ну, в 73-м году уже прошло семнадцать лет, он вернулся в Москву и устроился в институт чего-то, физика земли, что-то, какой-то институт, работать². Ну, он тут же, когда увидел, как Москва в этом отношении изменилась... Когда он уезжал, никакого правозащитного движения не было, а тут он все это увидел. Он познакомился, конечно, с Сахаровым и очень кинулся во все это. Во-первых, выступил с открытым письмом против преследований Сахарова. Потом еще написал какое-то... Не помню, сколько-то там «вопросов к Леониду Ильичу Брежневу». Ну, очень такое... Вопросы такие. Ну, не кажется ли вам, что, ну, там не нужна цензура? Ну и так далее, и так далее. Ну, кончилось тем... Да, и он очень подружился с Таней Ходорович из Инициативной группы. Вместе с ней ездил на суд над армянскими активистами. Там была Национальная партия Армении, которая выступала за отделение Армении от Советского Союза. Ну их, конечно, судили. Он ездил с ней на этот суд. Он добивался вместе с ней освобождения из спецпсихбольницы Лени Плюща, украинского активиста. Ну и так далее.

² С 1972 по 1973 гг. Ю. Ф. Орлов занимал должность старшего научного сотрудника Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР.

Ну, короче говоря, его довольно быстро выгнали из института, вот это ФАН, где он... Физики этой земли. И он зарабатывал на жизнь тем, что репетировал поступающих в институт по физике и математике, но большую часть времени отдавал вот такой вот работе. И я с самого начала очень заметила Юрия Федоровича. Он мне очень нравился и был очень интересен. Он очень необычный был среди нас человек.

Мы все очень любим там отстаивать свои взгляды там, знаете, высказываться, а он очень любит слушать. Он всех очень слушает, всем задает вопросы и слушает, чего тот ответит.

И я заметила... Да, а надо сказать, что моя жизнь в 70-е годы, ну, кроме того, что меня там таскали на всякие допросы и так далее, очень изменилась в том смысле, что, во-первых, мы уже жили не где-то у черта на рогах, а на юго-западе, рядом с метро. А юго-запад был такой район — такой очень диссидентский. Очень многие жили именно там. Ну и потом, вообще легко было передвигаться, во-первых, а во-вторых, гораздо легче стало в денежном смысле, потому что Коля начал зарабатывать и я уже не хваталась за любой копеечный заработок, лишь бы заработать. У меня... Ну, я могла, например, такси взять, куда-то поехать. Понимаете. Совсем, ну, иначе жизнь была. И я стала гораздо больше бывать на всяких диссидентских тусовках. Вот собираются почему-либо — и я туда же послушать, понимаете? Чего я себе не позволяла, когда мы жили на Приорова. Во-первых, очень далеко было, долго добираться, а во-вторых, ну, времени не было — зарабатывать надо было. А тут я стала ходить. И то у Амальриков собираются, то там, еще где-нибудь. Я всюду. Ну и в частности, вот... Да, и меня очень интересовал Юрий Федорович. Я просто... Вот он задаст вопрос какому-нибудь, ну, не очень умному человеку. Тот начинает разливать, глупости какие-то говорит. Тот его так внимательно слушает. Я ему говорю: «Юрий Федорович, чего вы его слушаете? Он же ерунду несет». — «Не скажите, Люда. Вы знаете, если внимательно слушать, там кое-что есть». Вот так. Он очень интересный был человек, и надо сказать... Был, ну он и есть, слава богу.

Юрий Орлов. Источник: wikipedia.org

Вот, но надо сказать, что я вот не раз говорила и могу повторять сколько угодно, что огромное влияние на меня оказали в моей жизни два человека: Лара Богораз и Юрий Федорович Орлов. И нравственное, и такое интеллектуальное. Необыкновенные люди, и мне очень повезло, что и с тем, и с другим я была, ну, просто очень близка. Я была б другим человеком, если бы не встреча с этими двумя. Ну, сегодня сколько — хватит уже? Или еще чего-нибудь?

Е. Г.: Ну если что-то помнится...

Арест Сергея Ковалева и взгляды Александра Солженицына

Л. А.: Ну, что я могу сказать? В декабре 74-го года арестовали Сережу Ковалева за «Хронику». В феврале 75-го его судили. Причем для того чтобы поменьше было шума вокруг его суда, судили в Вильнюсе, поскольку ему, кроме нашей «Хроники», вменяли в вину и «Хронику Литовской католической церкви», которую он передавал на Запад. И они перенесли суд в Вильнюс. И Андрей Дмитриевич Сахаров, и Таня Великанова, Таня Ходорович — очень много народу поехали в Вильнюс на суд. Там они познакомились со всеми этими литовскими диссидентами. Те их принимали очень.

” И когда Сахаров там стоял у этого суда... Его не пустили вовнутрь, он снаружи стоял вместе со всеми. Пришло известие, что он награжден Нобелевской премией за мир.

Так что было вот две таких очень сразу придавших — не в наших глазах, в глазах окружающих — значение нашему движению: это позиция Картера и Нобелевская премия Сахарова.

Ну, в семьдесят же четвертом году выслали из России Солженицына. Мы очень всё это переживали, возмущались вместе со всеми, но вскоре после его отъезда он опубликовал «Письмо вождям Советского Союза», которое, как он написал, он послал за полгода до этого «вождям Советского Союза» — мы их так никогда не называли, но он их так назвал. Но тогда он не получил никакого ответа, и поэтому, оказавшись за рубежом, он это письмо опубликовал. И тут стало совершенно ясно, что его идеологические установки совсем не на права и человека, и даже не на демократию, а на национальный дух там и на всякую там... Ну, в общем, больше мифа, чем...

Ну, во-первых, очень обращенная в прошлое и такая идеология, и потом, как-то против прогресса, против демократии — «нам демократия не нужна, нам нужно национальное возрождение». Вообще хорошо развивать север и восток, ну и, не знаю, одеться в сарафаны и водить хороводы.

” И если до этого времени как-то нам казалось, что мы единые, то тут стало ясно, что, конечно, есть национальное движение и есть демократическое движение.

И правозащитники все, конечно, оказались с Сахаровым. Ну, за исключением, скажем, Гинзбурга, который, с одной стороны, был с Сахаровым, конечно, а с другой стороны, поскольку его жена очень дружила с женой Солженицына, с Наташей Солнцева, то они как-то и там, и там.

А я помню, что вскоре после отъезда Солженицына... Нет, наверное, не очень вскоре. Уже в 75-м где-то году. Мне Алик Гинзбург дал на одну ночь, как тогда давали, почитать «Бодался теленок с дубом». И вот... На ночь дал. Мы, значит, спать легли. Колька повернул нос к стенке и спит, а я с краю дивана читаю Солженицына, «Бодался теленок с дубом». И очень в какой-то момент была так возмущена, что запустила этой книжкой в противоположную стену, так что Колька проснулся: «Ой, что такое? А чем я была возмущена? Дело в том, что он писал так, что получалось, что сопротивление режиму в стране только и оказывали он и верующие, больше никого не было. И в частности, когда он рассказывал о вступлении наших войск в Чехословакию, как он это пережил, он рассказывал, что он был у себя там на дачном участке <нрзб> в Рязанской области. И вот он, возмущенный, вывел даже машину из гаража, решил ехать в город, а потом подумал: «Собственно, к кому я обращусь? Не к кому». И завел машину обратно. И что ж это никто никак не выступил? А наши-то сидели за это! 25 августа — демонстрация. Причем я точно знала, что он об этом знал. Почему? Ну, во-первых, все знали. А во-вторых, Лара нарушила наше правило не говорить лишнего, а говорит: «Ты знаешь, мы вчера были у Солженицына. Вот он пригласил меня и Пашку Литвинова рассказать об этой демонстрации. И я еще попросила: «А можно с собою Саньку взять?» И вот мы троим были у него и всё ему рассказывали, и он всё записывал». И написал — и никого не было, и никто не протестовал. То есть просто соврал.

Я должна сказать, что после этого я очень разочаровалась в творчестве Солженицына и, может, даже несправедлива к нему, потому что вот я сейчас слушала... Скажем, Дмитрий Быков считает, что «Красное колесо» — талантливо написанная книга. А я читала «Красное колесо», и мне казалось, что бездарное, все врет. Ну, я... Ну просто подтасовка фактов, по-моему. Очень жаль. *(Пауза.)*

Но произошло это. И тут такие русские националисты очень выделились. Вот Осипов, Владимир Осипов, он издавал такой журнал «Вече». А у меня с ним были... Самого Осипова я не знала, а у меня были... Такой Слава Родионов, он из ВСХСОНа³, это ленинградская такая националистическая организация, социально-христианский союз. Они вот сидели большие сроки, и когда их выпустили, то они почему-то... То есть почему — понятно, потому что в Петербурге довольно так пусто было в этом отношении. Они как-то все вокруг Москвы. Но в Москве им не разрешали, но они по деревням, недалеко от Москвы. И я с ними подружилась, с этими ребятами. И я, и Коля. Ну, они были там верующие, христиане, но как-то они очень себя стойко вели в лагере и отсидели большие сроки. И, ну, они так считают, а я так считаю. Можно же, несмотря на это, быть в хороших отношениях.

³ Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН) — националистическая организация, созданная в Ленинграде в 1964 г.

И вот такой Слава Родионов. Он был у Осипова такой помощник, а ко мне приходил, и так мы дружили. И когда Осипова посадили, то меня поразило: жена у него как раз родила и была с маленьким ребенком у своих родителей где-то там в Краснодарском крае, и никто не интересовался ему там адвоката, передачу передать. И пришел этот Родионов... Ну они-то... У них ничего не было. Короче говоря, я собирала передачи, я ходила — ему адвоката нанимала. Хотя он был мой идеологический противник. Но они ко мне хорошо относились. А Солженицын — нет. Вот вранья не люблю. А он... Первый том «Архипелага» потрясающий, но вот интересная вещь: что он там рассказывает про всяких сидящих, и я потом сталкивалась с тем, что, скажем, эсеры обижаются о том, что он неправильно там написал про эсеров, а там украинцы обижаются... В общем, каждый, кто знает вот свое, ловил его на подтасовке фактов. Но написано очень талантливо и произвело, конечно, сильное впечатление.

Е. Г.: Ну что, Людмила Михайловна? Останавливаемся.

Л. А.: Да.